

A black and white close-up portrait of a woman with dark hair and bangs, wearing a fur-lined hat. She has a serious expression and is looking slightly to the left. The background is dark and out of focus.

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ

БОЛЬШЕ, ЧЕМ СНЫ

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Белла Ахмадулина. Фото Ю. Мечитова

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
БОЛЬШЕ, ЧЕМ СНЫ
БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Тбилиси
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку — в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье — «Грузины», ныне — Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой — в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские — опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» — первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель —

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

При финансовой поддержке: **РОССОТРУДНИЧЕСТВА**

Руководитель проекта —

НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

© **Русский клуб**. 2020

ISBN 978-9941-8-2271-1

Читает Белла Ахмадулина

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Есть такие сновидения, которые снятся чаще под утро, на рассвете. Они тревожные и терпкие, как вино, и источают тоску по какой-то неизвестной мечте...

Таким сном для Беллы Ахмадулиной стала Грузия. Стране свободных людей, полетов души и горящих сердец словно суждено было занять в судьбе и творчестве этого великого русского поэта знаковое место.

Сны о Грузии – вот радость!
И под утро так чиста
виноградная сладость,
осенившая уста.
Ни о чем я не жалею,
ничего я не хочу
в золотом Свети-Цховели
ставлю бедную свечу.

Малым камушкам во Мцхета
воздаю хвалу и честь.

Господи, пусть будет это
вечно так, как ныне есть.

Пусть всегда мне будут в

новость

и колдуют надо мной
родины родной суровость,
нежность родины чужой.

Когда Ахмадулина подходила к микрофону и, выпрямляясь и поднимая голову, начинала нараспев читать свои необыкновенные стихи, зал словно попадал под влияние гипноза, впадал в какой-то глубокий транс.

Какой была Белла – за вуалью признанной поэтессы? За упрямыми

Андрей Битов

губами и взглядом грустных, цепких глаз? За голосом, характерным, с надломом? И чем были ее стихи? Часто – сложным, порой нестройным, будто намеренно запутанным роением мыслей и сильных переживаний, переключкой между мирами, тонкими и реальными...

Критикам еще долго придется ломать над этим голову. А пока очевидно одно: Белла была явлением, уникальным слиянием поэзии и человека, в судьбу которого золотыми буквами вписана Грузия.

«Не успела Белла полюбить Грузию, как Грузия в нее влюбилась, – писал Андрей Битов. – Это было не трудно: здесь каждый мужчина себя уважал. Это было время анекдота «пальто не надо», когда грузины спускались по ступеням Центрального телеграфа в Москве в распахнутых плащах, как иностранцы, доставая красненькую десятку из нагрудного кармашка, как сто долларов; это

было время, когда мы ездили в Грузию как единственно доступную нам за границу, а поэты приезжали туда как в эмиграцию. Невостребованный в безразмерной России мог обрести себя в маленькой Грузии – она все еще хранила масштаб человека, уважая князей и крестьян, поэтов и сумасшедших».

Давайте вспомним то время, чтобы максимально органично перенестись в Тбилиси 50-х годов прошлого столетия. Сталин умер в марте 1953 года. В сентябре того же года первым секретарем ЦК Компартии Грузии стал человек Хрущева, Василий Мжаванадзе.

После XX съезда КПСС в стране, как бы это странно ни звучало, был явно заметен подъем одновременно как антисоветских, так и сталинистских настроений. Апофеозом этих настроений стали массовые беспорядки в марте 1956 года, повлекшие за собой человеческие

жертвы. В частности, в грузинской столице отгремели масштабные митинги и демонстрации, вызванные выступлением Хрущева с докладом, разоблачавшим Сталина.

Осень 1958-го ознаменовалась травлей связанного с Грузией личными и творческими нитями Пастернака за роман «Доктор Живаго» и присуждение ему Нобелевской премии. А в марте 1959 года покончил самоубийством поэт Галактион Табидзе, который выбросился из окна больницы. (Этой личности суждено стать важной частью жизни Ахмадулиной).

Парадоксально, но вскоре столица Грузии стала своеобразной литературной Меккой для множества писателей, поэтов, переводчиков, критиков. В Тбилиси литераторы могли пользоваться заманчивой возможностью – публиковать свои произведения, чего им не разрешалось на родине. А это для писателей не мало, если не сказать – все.

Отличный тому пример – журнал «Литературная Грузия»: на его страницах регулярно появлялась полузапрещенная литература. Удивительно и практически загадка, но в Грузии были в этом плане свои правила: как бы ни было сложно поверить в свободу в советскую эпоху, но слова «Грузия» и «свобода» были в тот период почти синонимами.

Так вот, именно в «Литературной Грузии», которая выходила с 1957 года, и был сосредоточен центр переводческой литературы.

Переводы грузинской литературы для русских писателей, поэтов

и переводчиков, с одной стороны, были возможностью подзаработать. С другой стороны – эта литературная взаимосвязь представляла для них множество плюсов, главным из которых заключался в том, что в Грузии русские литераторы буквально попадали в рай, где, как в теплом море, купались в любви, уважении и почтении.

Исключением не стала и Белла Ахмадулина, которая прославилась в литературном мире как оригинальный, редкого таланта и глубины поэт.

Но в 1968 году в Германии, во франкфуртском издательстве «Полев», в свет вышла книга Ахмадулиной «Озноб». И сразу же на поэтессу обрушилась самая неприятная цензурная критика, поскольку стихи Беллы посчитали идеологически несоответствующими тогдашнему режиму – социалистическому.

Литературовед Заруи Айрян вспоминала: «В эти трудные годы духовной поддержкой для Ахмадулиной стала Грузия, ее чудесная поэзия, которая вдохновила ее на работу над переводами из грузинской литературы. Так сложился целый цикл переводов грузинских поэтов от Николоза Бараташвили до Галактиона Табидзе, Анны Каландадзе и других, которые стали большим событием в литературной жизни и Грузии, и России».

Иными словами, у Беллы Ахмадулиной случилась с Грузией большая любовь. И у этого чувства русского поэта к грузинской земле и ее людям, как и у всего, было начало.

ЛЮБОВЬ ПО-ГРУЗИНСКИ. НАЧАЛО

Современники Ахмадулиной утверждают, что впервые она попала в Тбилиси, когда была замужем за Евгением Евтушенко. Выдающегося поэта, писателя, режиссера, актера и неоднократно номинанта на Нобелевскую премию по литературе связывала с Грузией пламенная дружба. Это Евтушенко писал в стихотворении «Мой Тбилиси»:

В Тбилиси есть особенная прелесть,
В нем сестры – и сегодняшность,
и прежность.
Под шепот «Инди, минди,
перадшинди»

Льет слезы вечность
в чашу на Мтацминде.
Однажды и моя слеза упала
В ту чашу – потому и не пропала.
Тбилиси – город бурь и пауз,
В нем связь времен счастливо
не распалась...

Галактиона подзывая знаком,
В Тбилиси Пушкин бродит
с Пастернаком...
В Тбилиси есть особенная прелесть.
На этот город
звезды засмотрелись...

Кто уезжал, тот знает непременно
Уехать из Тбилиси невозможно.
Тбилиси из тебя не уезжает,
Когда тебя в дорогу провожает.
А станешь забывать

– в предсердьи где-то
Кольнет хрусталик горный Кашуэты.
Как то, что Млечный

Путь бессмертно млечен
Я верю в то, что город – вечен.

Она полюбила Грузию, когда услышала грузинскую речь. Мелодика и журчащие тона поразили ее, а пение запало в самое сердце.

«Мне кажется, никто не живет в такой близости пения, как грузины, – говорила Белла. – Между весельем и пением, печалью и пением, любовью и пением вовсе нет промежутка. Если грузин не поет сейчас, то только потому, что собирается петь через минуту». Красиво, не правда ли?

Для поэта, который буквально дышал искусством, вся Грузия была чистой поэзией. А каждый день, проведенный в этой стране, будто рождался и умирал звездной ночью только для того, чтобы душа женщины запечатлела это тихое мгновение в своих прекрасных стихах.

Однажды Белла приехала с друзьями в Кахети, чудесный регион на востоке страны, где все происходило, как в сладко-горьком грузинском кино: они заблудились, их спас усатый добряк-кахетинец, напоил вином из глиняного кувшина – квеври – и назвал Беллу и ее путников сакральным словом – гости. А гость, как известно, в Грузии – святое.

Вино лилось рекой, лилось рекой и пение, многоголосное, многоликое, зовущее к небесам, к Богу.

«В этом пении не было беспорядка, строгая, неведомая мне дис-

Белла Ахмадулина и Евгений Евтушенко

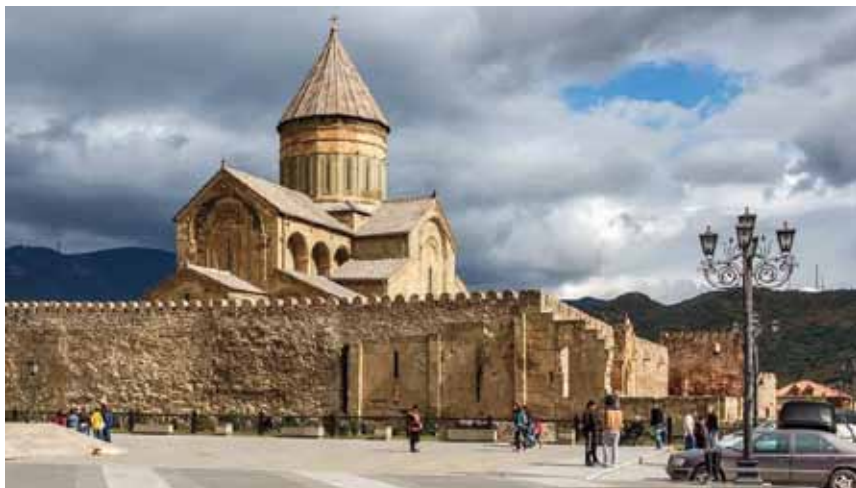
циплина управляла его многоголовьем, – вспоминала Ахмадулина. – Мне показалось, что долгожданная тайна языка наконец открылась мне, и я поняла прекрасный смысл этой песни: в ней была доброта, много любви, немного печали, нежная благодарность земле, воспоминание и надежда, а также все остальное, что может быть нужно человеку в такую счастливую и лунную ночь».

Иногда кажется, что у Беллы не было выбора, словно Грузия, как земля обетованная, была уготована для нее как личная гавань кем-то свыше, задолго до ее рождения. Иначе чем объяснить тот факт, что Белла крестилась в Грузии, в древнейшей ее столице, городе Мцхета, в главном храме страны – Светицховели. Многие ведь верят, что при крещении человек обретает новую жизнь.

Из «Стихотворения, написанного во время бессонницы в Тбилиси»:

Мне – пляшущей под
мцхетскою луной,
мне – плачущей любою
мышцей в теле,
мне – ставшей тенью,
слабую длиной,
не умещенной в храм
Свети-Цховели,
мне – обнаженной ниткой,
серебра
продернутой в твою иглу,
Тбилиси,
мне – жившей под звездой,
до утра,
озябшей до крови в твоей теплице...

Крестными Беллы Ахмадулиной стала супружеская пара – Юра Чачхиани и Манана Гедеванишви-

Мцхета. Храм Светицховели

ли. Мать Мананы, Тамара Цицишвили, была кинозвездой, народной артисткой Грузии. А сама Манана была врачом. Отар Иоселиани вспоминал, что, когда Манана шла по проспекту Руставели, все смотрели на нее с восторгом и обожанием, а она даже головы не поворачивала. А за тонкий стан и красивые темные глаза поэт Резо Амашукели прозвал Манану «Бемби», как персонажа диснеевского мультфильма про олененка.

Юра же был мужчиной интересным и очень добрым. «Будучи молчун, он редко улыбался, но отличался невероятной щедростью: не принимая никаких возражений, оплачивал все пиры нашей компании. Юра был физик, крупный ученый, а в застолье – самый стойкий из всех присутствующих, никогда не пьяневший, независимо от того, сколько было выпито», – вспоминал про него муж Беллы, художник Бо-

рис Мессерер.

Чачхиани, увы, в живых уже нет, а вот крестная мать Ахмадулиной, Манана, до сих пор живет в Тбилиси, в центре города, на улице Лео Киачели, 20.

«С Ахмадулиной я познакомилась в 1973 или 1974 году, – рассказывает Манана Гедеванишвили. – Однажды я как-то ее спросила: «Белла, ты крещеная?». Она ответила: «Нет, не крещеная». И я предложила покрестить ее. Уточнила: «Ты согласна?» Она тут же закивала головой и тепло улыбнулась. Так что мы сначала полушутя, а потом серьезно провели это дело».

А вот как вспоминает «это дело» сама Белла: «Ну ладно. Что делать? Помчались. На нескольких автомобилях. У Юры тогда была новая машина, белая «Волга», я сидела в ней с моими крестными, Мананой и Юрой, он, конечно, Георгий настоящему... Примчались в Све-

тицховели, они бросились к священнику и спрашивают: «А можно нам не младенца, а взрослого человека крестить?» Священник ответил: «За деньги все можно». Манана и Юра подвели меня к священнику и потом стояли рядом. После этого мы отправились праздновать мое крещение. Тогда я Манану спросила: «Священник меня крестил грузинский, а как же вы меня по-русски нарекли?» Манана ответила: «Манана, а по-русски – Анна».

Кстати, говоря о Светицховели, Ахмадулина часто вспоминала об одном случае. Как-то Светицховели посетил Борис Пастернак. Это была его последняя поездка в Грузию – весной 1960 года (он умер 30 мая 1960-го). Так вот, он пришел в храм в сопровождении друзей. И вдруг в церкви к нему обращается какой-то человек. «Борис Леонидович очень испугался, – рассказывала Белла Ахмадулина. – Он был совершенно затравлен и боялся всех незнакомых. А это оказался писатель Даниил Гранин, потом это выяснилось. Гранин его окликнул и поклонился, а Борис Леонидович Гранина не узнал и затрепетал».

Так что храм Светицховели, с которым у Беллы были связаны самые важные события, встречи и люди, стал еще одной исключительной страницей в книге ее души. К слову, в этом соборе Белла позже крестила свою дочь Лизу. А крестным отцом девочки стал не кто иной, как великий грузинский писатель Чабуа Амиреджиби.

ТБИЛИСИ КАК НИ ОДНО ДРУГОЕ МЕСТО ЗЕМЛИ

*Я, человек, уехавший из Грузии,
богтворящий свой родимый край,
колена преклонив, прошу берусь я:
дай, боже, мне умения, силы дай –
такое написать стихотворенье,
чтобы оно, над скалами звеня,
спасло бы не от смерти –
от забвенья
на родине возлюбленной
меня!*

Белла Ахмадулина

В 1977 году в Тбилиси была издана книга Ахмадулиной «Сны о Грузии». В это великолепное издание, помимо переводов, вошли ее прозаические стихотворения, посвященные Грузии, ее народу.

В предисловии к изданию критик Гия Маргвелашвили писал: «Грузия и грузинская поэзия представлены здесь в естественном соседстве с Россией, с образами и судьбами русских поэтов, наиболее близких автору, от которых и ведет Белла Ахмадулина свою поэтическую родословную. У них же – у великих русских поэтов разных эпох – наследует она свою духовную и душевную привязанность к Грузии».

Несмотря на то, что Ахмадулина никогда не писала на политические темы, не выступала на митингах, она

о многом имела свое четкое и жесткое мнение и не боялась его выражать.

Так, к примеру, Белла не раз высказывалась в поддержку советских диссидентов, таких, как Андрей Сахаров, Лев Копелев, Георгий Владимов, Владимир Войнович. И ее слова в их защиту тиражировали «Нью-Йорк Таймс», радио «Свобода» и «Голос Америки». А такой расклад власть уже не приветствовала, и Белла становилась опальным поэтом.

В эти трудные времена истинной поддержкой для Беллы Ахатовны, невероятно теплым и любимым местом оказывалась Грузия, которая всегда ее ждала и дарила вдохновение. Журнал «Литературная Грузия» предоставлял возможность публиковать ее произведения, тогда как на родине этого делать порой не смели.

Меня терзали жизнь, нужда,
страх поутру, что все сначала.
Но Грузия меня всегда
звала к себе и выручала.
...Тифлис, ты мне не объяснял,
и я ни разу не спросила:
за что дарами осыпал
и мне же говорил «спасибо»?

Хрупкая Белла нашла в Тбилиси не только силу, горячие объятия и веру в лучшее, он просто запал ей в душу.

«Тбилиси – назывался этот город, и – что мне было делать? – я вновь любила его, как ни одно другое место земли, – писала Ахма-

дулина. – По поводу любого места земли слух мой дольше страдает от любви, чем зрение. Память зрачков уже освобождается от лиц и пейзажей, а чужой язык еще живет во мне, бурно творится сам по себе, терзая меня близостью и недоступностью. Ни с одной чужой речью не общалась я так долго и близко, как с грузинской».

Этот удивительный дар и красоту Тбилиси Белла осознавала через талантливых и любимых грузин. «Нет счастья надежнее, чем талант другого человека, единственно позволяющий быть постоянно очарованным человечеством», – часто повторяла Белла Ахатовна.

Одним из таких людей стал для Беллы известный грузинский поэт

Симон Чиковани. Уроженец Кутаиси, выпускник филологического факультета Тбилисского университета, Чиковани начал публиковаться еще в 1924 году, был близок к символистской группе «Голубые роги», позже примкнул к футуристам и возглавлял литературную группу «Мемарцхенеоба» («Левый край»), но в 1930-е годы отошел от поэтического радикализма. В 1954-1960 гг. был главным редактором журнала «Мнатоби», много переводил русскую и украинскую поэзию.

Ахмадулину и Чиковани связывала неподвластная никаким законам душевная близость. В словах Беллы о Симоне есть поистине необыкновенная симпатия. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть строки Беллы Ахмадулиной: «Даже если его собеседник не имел других заслуг и отличий, кроме замечательно круглых и румяных молодых щек, а также самоуверенной склонности объединять все слова в свадебные союзы созвучий, — даже и тогда он заботливо склонял к нему острое, быстрое лицо и тратил на него весь слух, видимо, полагая, что человеческие уста не могут открываться для произнесения вздора».

С Чиковани Ахмадулина познакомилась в Москве благодаря их общему другу — поэту, переводчику и драматургу Павлу Антокольскому. В день их знакомства в Москве был снегопад, и по удивительной закономерности все последующие их встречи сопровождал снег.

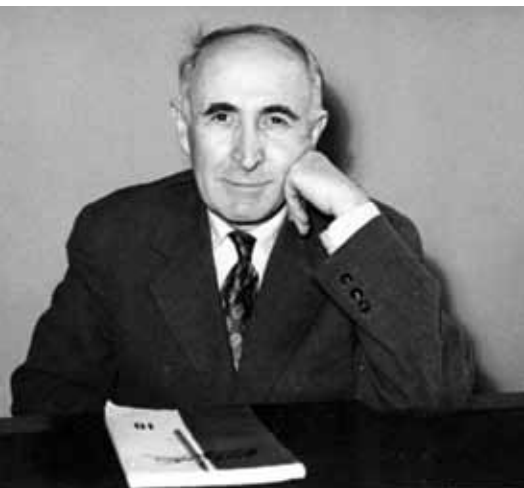
«Лето оставалось уделом его земли, — писала Ахмадулина, — и

было видно при снеге, что слово «пальто» превосходит солидностью и размером то, что накидывал Чиковани на хрупкую худобу, — так, перышко, немного черноты, условная дань чужой зиме. Так же, как его «дача», его загородные владения не имели ни стен, ни потолка, ни других тяжеловесных пустяков, ничего, кроме сути: земли, неба, множества фиалок и разрушенной крепости вдали и вверху, на горе».

Именно стихи Симона Чиковани возбудили в Белле Ахмадулиной «аппетит» — растущее желание переводить их на русский, дарить его звучанию свое, передать людям его очарование Грузией, его Грузию.

Мне снился сон
 — и что мне было делать?
 Мне снился сон
 — я наблюдал его.
 Как точен был расчет
 — их было девять:
 дубов и дэвов.
 Только и всего... .
 ...Я шел и шел
 за девятью морями.
 Число их подтверждали
 неспроста
 девять ворот,
 и девять плит Марабды,
 и девяти колодцев чистота.

«Еще тогда, при первом снегопаде, он прельстил меня, заманил в необъяснимое родство, и мой невзрачный молодой ум впервые осенила догадка, что нет радости надежнее, чем талант другого человека, — писала Белла. — Но вот Си-

Симон Чиковани

мон Чиковани уехал в Тбилиси, а я осталась здесь – его влюбленным и прилежным братом, и этого неопределенного звания мне навсегда хватит для гордости и сиротства. Тяжкий, драгоценный, крошечный труд перевода в связи с Чиковани был для меня блаженством – радостью было воспроизвести в гортани его речь».

Белла была тепло принята в семье Симона и его жены Марии, и многое узнала из его рассказов о Грузии. Она говорила: «Обожаемый мой Симон Чиковани чудесный был человек, он с Павлом Григорьевичем Антокольским дружил. И жена его Марио – прекраснейшая, такие жены бывают, наверное, только в Грузии, и Ника, Никуша они его звали, племянник Симона усыновленный – у него родителей расстреляли. Симон спас Нику, не отдал в детский дом. Они в нем души не чаяли».

В «Снах о Грузии» есть стихотворение о Симоне, о том, как он приезжает в Москву:

Все нужное тебе – в тебе самом, –
подумать и увидеть, что Симон
идет один к заснеженной ограде.
О, нет, зимой мой ум не так умен,
чтобы поверить и спросить:

– Симон,
как это может быть при снегопаде?
И разве ты не вовсе одинаков
с твоей землею, где,
навек заплавав
от нежности, все плачет тень моя,
где над Курой, в объётай

Богом Мцхете,
в садах зимы берут фиалки дети,
их называют именем «Иа»?

Чиковани не стало 24 апреля 1966 года. В тот день в Москве вновь лежал снег. Весть о его кончине стала для Беллы огромным ударом. Убитая горем, она писала: «Вот он спускается с крыльца, уходит, оборачиваясь и улыбаясь, в голубую глубину вселенной, уже никаким объятием нежности его не – удержишь, и снега, звезды, деревья смыкаются над ним – навсегда. Как я потом полечу, поеду, поплетусь, как поташу себя вверх по той лестнице, в те комнаты, большими окнами озирающие цирковую площадь, как совладаю со слепотою плача?»

Чиковани покинул этот мир, а Белла обессмертила его стихи:

Как миндаль облетел и намок!
Дождь дорогу марают и моет –
это он подает мне намек,

что не столько я стар,
 сколько молод.
 Слышишь? – в тувовых
 ветках немых
 голос птицы свежее и резче.
 Прекратим эти речи на миг,
 лишь на миг прекратим эти речи.

Ее друзей и практически духовных братьев и сестер, родившихся на грузинской земле, трудно пересчитать: Булат Окуджава, Сергей Параджанов, Отар Иоселиани, братья Тамаз и Отар Чиладзе, Гия Маргвелашвили, Резо Амашукели, Нодар Думбадзе, Чабуа Амиреджиби и многие-многие другие.

Грузинская поэтесса Мзия Хетагури говорит, что в Белле Ахмадулиной всегда была какая-то тоска, стремление к любви и ласке. А в Грузии Беллу носили на руках, здесь она чувствовала себя принятой, понятой, любимой. Ею восторгались, ее обожали, а некоторые и боготворили. Как не ответить взаимностью?!

«С Беллой я познакомилась в Москве, кажется, в начале 70-х, – рассказывает Мзия Хетагури. – А потом очень часто встречалась с ней в Тбилиси. Это была огромная череда литературных вечеров и застолий. В издательстве «Мерани», в котором я позже начала работать заведомом переводов и драматургии, вышла ее незабываемая книга «Сны о Грузии», которая принесла ей славу, а в Грузии – особенное, ни с чем несравнимое почтение».

В Грузии есть традиция – называть всенародно любимых поэтов только по имени: Галактиона Табид-

зе – Галактионом, Илью Чавчавадзе – Ильей, Важа-Пшавела – Важей. Потому что для людей эти поэты – единственные в своем роде и неповторимые.

Андрей Битов писал: «Восточная традиция, мешая призвание с лаской, оставляет поэту, как вечному общему ребенку, лишь его имя, уже без фамилии. Так, в любимой Беллой Ахмадулиной Грузии (или в Грузии, столь любящей Беллу Ахмадулину...) звучат слова-имена Шота, Галактион. Дети нации. Так едва ли не впервые в истории русской поэзии имя стало емче фамилии – БЕЛЛА».

Белла Ахмадулина была очарована этой традицией и с удовольствием переняла ее и также называла своих любимых друзей из Грузии

Мзия Хетагури

Анна Каландадзе и Белла Ахмадулина

только по имени.

«Однажды мы сидели в ресторане Центрального дома литераторов, после вечера русско-грузинской поэзии, – вспоминает Хетагури, – я, Джансуг Чарквиани, Медея Кихидзе, Ираклий Абашидзе, Нодар Думбадзе и другие. И Белла, представляя нас своему мужу, художнику Борису Мессереру, говорила: «Борис, знакомься, это мои дорогие грузины: моя Мзия, мой Джансуг, моя Медея, мой Нодар, мой Ираклий»... Одним словом, Белла безумно любила грузин и Грузию».

Однажды Белла Ахмадулина перевела ее стихотворение. Оно называлось «Кресло», и написала его Мзия в свои 12 лет.

Сейчас Хетагури задумывается, почему Ахмадулина выбрала именно это стихотворение. Оно было на-

писано умной и талантливой девочкой, отец которой развелся с матерью. И в ожидании прихода папы на ее выступление, девочка напряженно смотрит на кресло в зрительном зале. Оно предназначено для отца, который вот-вот должен прийти, посмотреть, какая талантливая у него дочь, но почему-то все никак не появляется. Белла, по ее словам, увидела в этом стихотворении чистоту, искренность и сильные чувства.

В зале театра сломано кресло.
Грустно зияет, кричит пустота.
Кресло без спинки, не опереться.
Пусто, когда все забиты места.
И человек попадетсЯ, как кресло,
Тоже без спинки – смешная черта.
Не надеяться, не опереться.
Грустно зияет, стучит пустота.

В горячо любимой ею Anne Каландадзе Белла Ахатовна ценила самобытность, близость к первоизданности всего сущего на земле и истинную женственность.

«Вы знаете, это удивительно, ведь поэтесса Анна Каландадзе была настолько традиционной грузинской женщиной, которая лишняя раз не нарисует губы, а когда читала свои стихи — то без малейшего движения, — говорит Мзия Хетагури. — Если бы вы не знали, что это Анна Каландадзе, то никогда бы не подумали, что эта женщина пишет стихи. И что вы думаете? Она так сдружилась с Беллой Ахмадулиной, так прониклась ее свободолобием и шармом, что даже стала ходить с ней по хашным, духанам и хинкальным Тбилиси. Вспомните Беллины стихи:

Вы, Анна, — ребенок и витязь,
 вы — маленький стебель
 бесстрашный,
 но, Анна, клянитесь, клянитесь,
 что прежде вы не были в хашной! —
 И Анна клялась и смеялась,
 смеялась и клятву давала:
 — Зарей, затевающей алость,
 клянись, что еще не бывала!»

С Анной Каландадзе Ахмадулину как раз познакомил ее дорогой Симон Чиковани. Однажды он воскликнул: «Кацо, как, ты не знаешь Анны, но ты узнаешь: Анна — прекрасна!» И уже к вечеру Белла в его словах убедилась.

Вот как она вспоминала грузинскую поэтессу: «Анна — прекрасна,

большой поэт, и ее язык, собственный, ведомый только ей, не меньше всего грузинского языка по объему и прелести звучания. На крайнем исходе дня пришла маленькая Анна, маленькая, говорю, потому, что облик ее порастил и растрогал меня хрупкостью очертаний, серьезнейшей скромностью и тишиной — о, такие не суетятся, мыслят и говорят лишь впад и не совершают лишних поступков».

Дружба Беллы с Анной вновь пробудила в ней вдохновение, и она с невероятной энергией начала переводить ее стихи. Тогда в Москве, в своей маленькой комнате, Ахмадулина через Каландадзе знакомилась с плывущими облаками Хеты, с древним государством Урарту, с землями Бетании, Шиомгвие, Орцхали. В Anne Беллу поражала воздушность и чистота, необычайная привольность ее души, трогательное отношение к родной речи и природе, ее страстная привязанность к Грузии.

«Я переводила Анну и наслаждалась, — признавалась она, — но и тогда предугадывала, а теперь знаю, что не могла соотноситься на равных с поэтом, о котором пекусь всей душой: я была моложе и я была — хуже. Но много лет прошло, и я еще улучшусь, Анна, я вернусь к Вашим стихам, чтобы, лишённые первоначальной сути, они не сиротствовали в чужом языке, в моем родном языке, а славно и нежно звучали».

ТОСТ ЗА СЛАДКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ БЕЛЛЫ

«Однажды в декабре... Да, в декабре, теплыни декабря, в жаркий день декабря несколько человек сидели за столом и говорили друг другу добрые слова, – писала Ахмадулина. – Один человек прикрыл глаза рукой и вышел. Он скрывал влажность глаз, но все же сквозь влагу, которой он стыдился, увидел чудный сияющий день, прелесть воздуха и земли, детей, играющих с собакой. Короче говоря, заплакал человек, не знающий, чем отслужить людям и природе их доброту и красоту... Тот человек – это была я, и все соучастники того декабрьского дня знали, что все это – совершенная правда. Кто-нибудь спросит: может быть, это в Грузии было? Там в декабре стояли жаркие дни, и там принято говорить друг другу добрые, долгие слова, которые называются тостом. Да, там это было».

У грузин, которые славятся длинными застольями и любовью к красивым речам, есть один особенный тост – за сладкие воспоминания. Это те переживания, которые делают нашу жизнь краше, содержательней, от которых на лице появляется улыбка, в сердце – тепло, и хочется повернуть время вспять. Не знаю, поднимала ли такой тост великая и

неповторимая Белла, но очень хочется в это верить. Ведь в той части ее жизни, которую она провела в Грузии и в мыслях о ней, бесспорно, есть такие воспоминания – с долгим сладким послевкусием.

Одним из таких воспоминаний для поэта стала поездка в Шатили, окутанное легендами высокогорное село в исторической области Хевсурети, край башен, средневекового очарования Грузии, возвышающийся на высоте полторы тысячи метров над уровнем моря. Беллу Ахмадулину и Бориса Мессерера пригласил туда на праздник Чабуа Амирэджиби.

Они отправились на автомобиле, по дороге, которая считается в Грузии одной из самых опасных, потому что петляет буквально по краю пропасти.

В те дни там отмечалось большое событие – в Шатили впервые провели телевидение. И по этому поводу власти устроили народное гулянье. Происходило это в долине горной реки Аргун. Поставили мангалы, столы ломились от шашлыков, вина, овощей и фруктов. Одним словом, угощение было на славу: люди пировали, пели, танцевали, веселились.

А неподалеку кто-то праздновал свадьбу. Ахмадулина не выдержала, подошла к молодым, поздравила новобрачных, расчувствовавшись, стремительно сняла со своего пальца кольцо и вручила его невесте. Девушка была растеряна и растрогана...

Наутро Ахмадулину, Мессерера

Сванети

и Амирэджиби, как почетных гостей праздника, пригласили вернуться в Тбилиси на вертолете, вместе с членами правительства Грузии. И вдруг во время полета командир вертолета решил сделать посадку, чтобы показать гостям чудесное высокогорное озеро. Чтобы добраться до него, пришлось почти по колено погрузиться в снег. Но это того стоило, потому что перед ними открылось великолепие – кристально чистое озеро. Оно, как черное зеркало, сверкало среди белоснежного покрова гор. Эту красоту Белла впитала в себя навечно.

По возвращении к вертолету, их ждала пикантная закуска и вино – прямо на снегу, как на скатерти-самобранке. Но стоял такой собачий холод, что всем захотелось чего-то

покрепче. И тут Белла достала из сумки бутылку коньяка, который получила в подарок от организаторов праздника. Стоит ли говорить, как это было вовремя и как Ахмадулину благодарили и называли волшебницей!

В «сладких» грузинских воспоминаниях Беллы Ахмадулиной, как вековой айсберг, жила фигура выдающегося грузинского живописца Ладо Гудиашвили.

Вы знаете, я верю, что города дороги нам не только своей неповторимой атмосферой, необыкновенными улочками и характерными домиками, но, в первую очередь, людьми, живущими в этих городах. Одним из таких людей в грузинской столице стал для Беллы Гудиашвили.

«Вы, несравненный Ладо Гудиашвили, как я люблю Ваш дом, – писала Белла. – Я только в последний раз заметила, как он красив сам по себе, прежде же все не замечала, что вообще есть дом, – все смотрела, как Вы похаживаете возле Ваших дивных полотен, застенчиво объявляя их названия и смысл, ободряя родительским взором соцветья и созвездья красок».

В воспоминаниях Ахмадулиной, как в кинофильме, отпечатались вечера, когда в свете своей комнаты седой, «изящно сломанный в силуэте, ненаглядно красивый», шел Ладо Гудиашвили, общаясь со своими творениями. «Нежные, причудливые, совершенные в прелести или

Борис Мессерер и Белла Ахмадулина

заданном уродстве, они взывали к нему со стен, толпились и клубились вокруг, но все же подлежали его власти, и он с неловкостью объяснял простой смысл их доброго значения», – отмечала Белла.

Отдельным «сладким» эпизодом в каскаде историй, связывающих Беллу с Грузией, была ее дружба с Нодаром Думбадзе, выдающимся грузинским писателем, поэтом и сценаристом. Нодар Владимирович был человеком остроумным, много шутил и был душой любой компании. Так, как с Думбадзе, Белла не улыбалась ни с кем.

Однажды Нодар Думбадзе пригласил Беллу Ахмадулину, Бориса Мессерера, Чабуга Амирэджиби и Джансугу Чарквиани на интересное мероприятие – посадку деревьев в парке под Тбилиси. Каждый должен был посадить деревце и повесить на него табличку со своим именем.

«В круглой беседке, стоявшей посреди парка, уже был накрыт стол, и в лучах полуденного солнца золотился выдержанный грузинский коньяк. В маленькой кепочке, заслонявшей глаза от солнечных лучей, – как прекрасен был Нодар Думбадзе в это утро, как изумительно шутил, обволакивая всех своим искрящимся остроумием», – вспоминал Борис Мессерер.

Есть еще один интересный факт из грузинской биографии Беллы, уезжавшей тогда из Грузии. О нем очень увлекательно и красочно написал Андрей Битов: «Один неподдельный князь, припоздав из-за того, что выбирал розы для букета,

к ее самолету (трап был уже поднят), пришел в такую ярость, что, растолкав толпу махавших платками вслед самолету соплеменников, перебежал летное поле, размахивая букетом, то ли так высоко подпрыгнул (а был маленького роста), то ли взлетел, как вертолет, и, зависнув в воздухе, надавал по носу ТУ-104 пощечин этим букетом, чем и стал знаменит, благосклонно принимая в духанах бутылку от поклонников его подвига. Видела ли это Белла из иллюминатора?»

ДВЕ ГАЛАКТИКИ БЕЛЛЫ

*О друзья, лишь поэзия – прежде,
чем вы,
прежде времени, прежде меня самого,
прежде первой любви,
прежде первой травы,
первого снега и прежде всего.
Галактион Табидзе*

Богом грузинской поэзии Белла Ахмадулина считала поэта Галактиона Табидзе. Его мир, как галактика с мощным гравитационным полем, межзвездной пылью и притягательными планетами, стал для Беллы Ахмадулиной откровением.

Познакомившись с творчеством Галактиона, она, впечатленная, писала: «Я счастлива, что неисчислимо много раз я видела, как действует

Галактион Табидзе

это имя на самых разных жителей Грузии, каким выражением света и многознания отзываются их лица на заветный пароль этого имени. Счастлива, что вообще на свете бывает такая любовь всех, действительно всех людей к своему поэту, к своей поэзии».

Белла понимала, что Галактион настолько всеобъемлющ и велик, что вся Грузия «заражена» им. Не устояла от этой «болезни» и она. При этом она хотела передать эту свою галактионовскую «лихорадку» исключительным путем. Переведенное Ахмадулиной самое известное стихотворение Галактиона «Мери», эта ода любви и грусти, в поэтическом «звучании» Беллы до сих пор услаждает слух поклонникам поэта. Потому что, как уже давно замечено, Ахмадулина переводила не с

подстрочника, а с любви.

Необыкновенное, но весьма точное ее сравнение: «Вы, пекари из райской преисподней, где всю ночь сотворяется хлеб, мне жаль, что мой перевод «Мери» много несовершенней горячего хлеба, вознаградившего меня за этот труд».

А еще Белла Ахмадулина любила повторять – сколько будет существовать мир, столько и будут люди повторять имя «Мери», потому что «бедная, счастливая, неверная, прекрасная Мери с другим венчалась в ненастную ночь, не оставив по эту никакого утешения, кроме его собственных стихов, да Шекспира, который один мог соответствовать этой скорби».

Венчалась Мери в ночь дождей,
И в ночь дождей я проклял Мери,
Не мог я отворить дверей,
Восставших между мной и ей,
И я поцеловал те двери.

А дождик лил всю ночь и лил
Все утро, и во мгле опасной
Все плакал я, как старый Лир,
Как бедный Лир,

как Лир прекрасный...

Мери Шервашидзе (1888-1986) была дочерью генерал-майора князя Прокофа Шервашидзе. В 1919 году стала женой князя Георгия Эристави, праправнука царя Ираклия II.

По красивой и, теперь уж не поймаешь, правдивой ли легенде, за три дня до того, как молодые обвенчались и уехали во Францию, Галактион написал свое знаменитое стихотворение, полное любви и печали, и

Мери Шервашидзе

отправил его Мери. А она и понятия о Галактионе не имела: они жили в разных мирах – поэт был сыном сельского учителя-священника. К тому же Мери не владела грузинским языком...

Кстати, по признанию Бориса Мессерера, в семидесятых годах они с Беллой были по приглашению Владимира Высоцкого и Марины Влади во Франции и, узнав о том, что страсть Галактиона, та самая Мери Шервашидзе, находится в здравом уме и живет в Париже, очень захотели с ней встретиться. Но Мери во встрече отказала. Она вообще не понимала всей истерии вокруг ее имени.

«Это посвященное ей стихотворение Галактиона исполнено любви, страсти, ревности, – с горечью говорила Белла. – А Мери об этом ничего не знала и даже не была, по-моему,

с ним знакома. Она с нами не захотела увидеться в Париже, а пришла другая прекрасная дама. Мери вообще смущала вся ситуация вокруг этого знаменитого стихотворения».

Полюбив поэзию Галактиона целиком и полностью, Ахмадулина, по собственному признанию, жаждала «вовлечь, заманить в нее новых пленников, как меня когда-то вовлекли и заманили добрые люди».

При этом она не скрывала, что переводить Табидзе было весьма непросто, поскольку, по словам поэтессы, его крайне хрупкая и простая музыка быстро разрушается даже от самого опасливого и нежного прикосновения.

«Иногда кажется, что сами стихи его одушевленно упорствуют в непреклонном желании остаться в естественной и неприкосновенной гармонии родного языка, не хотят нести неизбежного убытка», – писала Белла, добавляя, что и сам поэт был личностью тонкой, человеком с мятежным и сложным нравом.

Близкие говорили, что увлечение Ахмадулиной Табидзе было сродни одержимости. Более того, Грузия, Тбилиси воспринимались ею через Галактиона. Этот поэт в некотором роде стал для Беллы самым значительным переживанием тбилисской жизни. Когда она гуляла по улицам грузинской столицы с братьями Отаром и Тамазом Чиладзе, то часто им говорила, что ей кажется – вот вот из-за поворота выйдет Галактион, что сам воздух в Тбилиси дышит, заряжен им.

«Конечно, я Галактиона никогда

не видела, но в Тбилиси все было наполнено им, его образ населял город, он будто обитал в его ночном воздухе. Галактион был любим безмерно всеми людьми, всеми бытницами тифлисскими. Он был академик, и, когда получал в академии зарплату, эти забулдыги, простолудины ночные у костров, собирались вокруг него», – писала про любимого поэта Белла Ахатовна.

Другой «грузинской галактикой» стал для Беллы Ахатовны двоюродный брат Галактиона, поэт, прозаик и переводчик Тициан Табидзе. Родившись в семье сельского священника, Тициан учился в Кутаисской гимназии – той же, где и Владимир Маяковский.

В Москве поэт подружился с русскими символистами, после часто сердечно принимал их в гостях в

Тициан Табидзе

Если рожден я – рожден
не на время,
а навсегда, обожатель и раб твой.
Смерть я снесу и
бессмертия бремя
не утомит меня... Жизнь моя,
здравствуй!

«ЕСЛИ БЫ ДЛЯ
ЭТОГО МНЕ
НУЖНО БЫЛО БЫ
ТАНЦЕВАТЬ, Я БЫ
ТАНЦЕВАЛА»

*Я старалась служить переводу,
я упивалась переводом.
Мне хотелось, чтобы дивная
речь другого народа
звучала на моем языке,
чтобы она была упоительной.
Белла Ахмадулина*

«Белла Ахмадулина перевела титанов грузинской поэзии, и представьте, как лелеяла она каждое грузинское слово, стремясь, чтобы это слово не потеряло грузинскую душу, соответствующий смысл и нагрузку», – говорил о Белле Ахатовне поэт Резо Амашукели.

«Грузинская поэзия всегда будет со мной!» – повторяла, как молитву,

Сидят: Гия Маргвелашвили, Белла Ахмадулина. **Стоит:** Резо Амашукели

Белла, и это были не просто красивые слова. Порой она с ночи до утра сидела за столом, с одной лампой, и, как одержимая, неустанно переводила грузинских поэтов.

Многих это удивляло, некоторых даже очень. Супруг поэтессы Борис Мессерер, с которым она прожила 36 лет, искренне поражался: «Белла, почему ты так много переводишь грузинских поэтов? Есть ведь и другие...» На это Белла отвечала, что именно Грузия протянула ей руку помощи тогда, когда ей это было особенно нужно, в тот момент, когда в России ее не публиковали, игнорировали. В Тбилиси же, наоборот, смело печатали стихи Беллы и доверяли ей переводить грузинскую

С подарком Думбадзе в парке «Толиа»

поэзию. На гонорары от переводов Белла и жила. «Этого я никогда не забуду», – говорила она.

Мессерер вспоминал: «В тбилисской жизни, в бесконечной чередке встреч с друзьями и следующими за этим застольями Белла ухитрялась ночами переводить грузинских поэтов, чтобы днем сделать кому-то из них подарок и преподнести переведенное стихотворение. Поэт, получивший подарок, на радостях немедленно устраивал следующее застолье и говорил неперенные тосты, чтобы выразить свои чувства. И так могло длиться до бесконечности, если бы наше пребывание в Тбилиси не было ограничено по времени».

(Наверное, читатель уже обратит внимание, как часто я цитирую Бориса Мессерера. Его мемуары «Промельк Беллы...» охватывают почти всю вторую половину XX века и начало века XXI. Это интереснейшая хроника жизни с одной из са-

мых удивительных женщин нашего времени – Беллой Ахмадулиной. Как вы сами понимаете, таким воспоминаниям – из самых первых рук – действительно нет цены. Потому что они бесценны. А если добавить, что целых двадцать глав книги посвящены теме «Белла Ахмадулина и Грузия», то становится понятным, почему именно «Промельк Беллы...» стал для нас главным источником – неоспоримым и вдохновляющим).

Многие замечали, что переводы грузинских поэтов Беллы Ахмадулиной, которые были, бесспорно, прелестными, тем не менее во многом отличались от оригиналов. Это можно объяснить только тем, что Белла, вооружившись любовью Грузии, теряла ненужный, как оковы, страх, обретала уверенность и стремление донести до людей ту единственную истину, которую грузинские поэты выводили не пером, а душой.

Самокритичная Белла говорила:

«У меня есть руки, которыми я пишу, есть мое сердце, при помощи которого я работаю, и дальше я пойти не могу. Здесь много говорили о том, как следует переводить. Это полезно, это поучительно, и я все-таки не знаю, как надо переводить. Если бы мы знали, было бы больше прекрасных переводов Галактиона Табидзе и других» (стенограмма выступления 15 марта 1962 г.).

Белла все пропускала через любовь и все сравнивала с этим чувством. Даже перевод она называла любовным актом одного человека с другим. Наверное, поэтому и наслаждалась этим ощущением с таким упоением и жадой: «Я так говорю не только потому, что мне довелось любить поэтов, которых я переводила, что через стихи Симона Чиковани, Анны Каландадзе я видела их облик, а потому, что я бесконечно доверяла им, как поэтам, и очень любила их».

На грузинский стих Белла Ахмадулина смотрела, как на дитя, которое нужно взять на руки, приласкать, позаботиться о нем и подарить ему жизнь. «Ведь лишь настоящее искусство поставит, направит, усыновит это дитя, сделает его не только своим ребенком, но отнесет ко всему миру, чтобы весь мир принял его в свои объятия», – разъясняла она.

«Белла Ахмадулина, хотя и была переводчицей чужих стихов, но стихи звучали так мощно и по-мужски лирично и так изысканно неповторимо по-ахмадулински, что было ясно: она их соавтор!» – писала поэтесса Лиана Алавердова.

Естественно, при переводе с грузинского, как и при переводе с любого другого языка, Белла Ахатовна сталкивалась с определенными трудностями. И тогда она включала интуицию, сердце, усиленно вслушивалась в грузинские слова, как в Евангелие, и порой, нарушая некоторые чисто грузинские размеры и строй слов, рождала его в новой, своей, подлинно красивой форме.

Взять хотя бы галактионовское «Тебе тринадцать лет»:

Тебе тринадцать лет.

О старость этих
двух рук моих! О добрый
мир земной,
где детские уста всех арифметик
тринадцать раз смеются надо мной!
Я путаюсь в тринадцати решеньях –
как весело! Как голова седа!
Тринадцать пуль отлей мне,
оружейник,
но столько ж раз я погублю себя.
О, девочка, ребенок
с детским жестом,
привставшая над голубым мячом,
как смело ты владеешь
вечно женским
и мудрым от рождения плечом.
Я возведен – о точность
построенья! –
причудой несчастливого числа
в тринадцатую степень постаренья.
О, как, шутник, твоя слеза чиста!

Тому, кто не знает грузинского языка, стоит его выучить только для того, чтобы прочитать это стихотворение Галактиона Табидзе в оригинале. Сравнивая тексты Галактиона

и Беллы, понимаешь, что эти два стихотворения, как две жизни, оба нежны и прекрасны.

«Я хочу донести стихотворения Галактиона Табидзе до русского читателя и считаю это возможным, – говорила Белла. – Я не выкидывала ни строчки, не проявляла небрежности, а если и делала что-либо по-своему, то потому, что хотела осветить Галактиона по-русски так, как слышала по-грузински. Когда я хожу по ночам в Тбилиси, мне кажется, что хожу вместе с тенью Галактиона... Я могу только сказать русскому читателю, что это звучит на грузинском языке божественно. Я хочу, чтобы русский читатель поверил мне на слово, что Галактион – великий поэт. Если бы для этого мне нужно было бы танцевать, я бы танцевала».

Борис Мессерер отмечал, что грузинская поэзия настолько занимала мысли и подсознание Беллы, что становилась для нее почти родной и не прекращала восхищать ее красотой звучания, очаровывала и не отпускала.

Список поэтов, которых переводила Ахмадулина, длинен, но эти имена стоит услышать всем: Николай Бараташвили, Галактион Табидзе, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, Карло Каладзе, Ираклий Абашидзе, Григол Абашидзе, Иосиф Нонешвили, Анна Каландадзе, Арчил Сулакаури, Михаил Квливидзе, Тамаз Чиладзе, Отар Чиладзе, Морис Почхивиши, Иза Орджоникидзе, Отар Челидзе.

ВУЛКАН ПАРАДЖАНОВ И СПАСИТЕЛЬНИЦА БЕЛЛА

Есть в жизни люди-праздники. Они одинаково счастливы и несчастны, легки и тяжелы, гениальны и безумны. Именно таким был кинорежиссер Сергей Параджанов.

В Тбилиси к его дому на улице Котэ Мехи в круглосуточном режиме совершали паломничества его друзья – артисты, художники, музыканты, представители всех профессий из разных стран – в надежде окунуться в эйфорию и атмосферу искусства.

Параджанов был вулканом как в работе, так в жизни – вулканом страстей, эмоций, мыслей, слов, скандалов и шедевров. Но его душа была самым странным калейдоскопом на земле, через который можно было увидеть всю красоту планеты – горы добра, небо откровения и море любви.

Вот как описывал режиссер Борис Мессерер, который крепко сдружился с ним еще задолго до Беллы: «У Параджанова была впечатляющая внешность. Удивительно правильные черты лица, широко расставленные, темные горящие глаза, черная короткая бородка с проседью. Он обладал какой-то кроткой, мягкой манерой общения –

**На открытии выставки работ Бориса Мессерера в тбилисском Доме кино.
Фото Ю. Мечитова**

«манерой оболъщения», против которой нельзя было устоять, и редким чувством юмора, переходящим, как правило, в самоиронию».

Белла познакомилась с Сергеем в кафе «Ереван», в центре армянской столицы, 5 апреля 1978 года. В первую же встречу широта души Сергея и его безграничная открытость покорили Ахмадулину всецело, и она в порыве чувств сняла с себя крест и надела его на пораженного Параджанова. Это было показательное событие: этим жестом Белла на-

рекла его своим братом.

Через два дня Белла, Борис и Сергей уже вместе мчались в Тбилиси. В доме Параджанова их ждала шумная творческая компания: автор фильмов «Зонтик» и «Свадьба» режиссер Михаил Кобахидзе, архитектор Виктор (Буца) Джорбенадзе, кинорежиссер Георгий Шенгелая и другие.

С тех пор в этот дом Белла всегда шла, как на праздник. А теплый, душистый лаваш, вино и удивительный мир Параджанова вкупе с его

**Борис Мессерер, Белла Ахмадулина, Сергей Параджанов с друзьями.
Фото Ю. Мечитова**

многогранной талантливой личностью, как магнитом, манили к себе русского поэта.

Белла полюбила Сергея всей душой, и он ее – всем сердцем. Носил на руках в прямом и переносном смысле.

«Когда мы впервые пришли к нему вдвоем, – вспоминал Мессерер, – Параджанов, встретив нас у калитки, подхватил Беллу на руки и, пройдя метров двадцать, бережно опустил в раскрытое окно первого этажа дома своих друзей, заведомо предчувствуя их восторженную реакцию: «Хочу сделать им сюрприз. Они откроют дверь, а у них сидит сама Белла Ахмадулина – вот будут поражены!»

Однажды Параджанов, Ахмадулина, Мессерер и еще двое друзей направлялись в хинкальную, кото-

рая находилась в гостинице «Иверия». Параджанов был в ударе и по дороге подбегал к прохожим, представляя им Беллу: «Знакомьтесь! Это Белла Ахмадулина!» Незнакомцы узнавали поэтессу и, улыбаясь, приветствовали ее.

Тогда, по пути в хинкальную, им попало фотоателье. Параджанов завел туда друзей и настойчиво попросил запечатлеть этот счастливый миг на фотографии, на долгую память. Этот кадр любезно предоставил мне известный тбилисский фотограф Юрий Мечитов, сделавший немало шедевральных снимков Параджанова.

«Как-то Параджанов дал мне негативы 13 на 18, которые я позже оцифровал. Кстати, что странно, я оцифровал их совсем недавно, пару лет назад. Кажется, эти снимки

сделал Женя Карапетян. Он работал тогда в фотоателье у храма Кашвети», – рассказал мне Мечитов. По его словам, Беллу Ахмадулину он лично не знал, но снимал дважды: когда она в очередной раз гостила в доме Параджанова и на выставке Бориса Мессерера в Доме художника 13 декабря 1984 года. На открытии выступал сам Параджанов, присутствовали многие видные фигуры грузинского искусства. Именно тогда Юрий Мечитов сделал этот совершенно потрясающий портрет Беллы.

После освобождения из тюрьмы Параджанов не выпадал из поля зрения КГБ ни на день. В 1978 году на него вновь было открыто дело о даче взятки при поступлении племянника Георгия в Тбилисский театральный институт. Но концы с концами не сходились, и вскоре следователи пошли ва-банк: решив обвести Параджанова вокруг пальца, они выпросили у него денег, чтобы якобы закрыть расследование. Вечно безденежный режиссер наскреб все, что мог, и принес деньги. 11 февраля 1982 года при попытке передачи денег Сергея Параджанова арестовали и посадили в Ортачальскую тюрьму. Белла, узнав об аресте Сергея, чуть не сошла с ума.

Из книги писателя и режиссера-документалиста Василия Катаняна «Параджанов. Цена вечного праздника»: «Мне в Москве позвонила Белла Ахмадулина. Они с Борисом Мессерером собрались лететь в Тбилиси. Ее поэзию очень ценил Эдуард Шеварднадзе, тогда первый

человек в Грузии, и Белла Ахатовна надеялась передать ему письмо в защиту Параджанова. Все мы прикидывали: что и как написать? Рассудив, что просто отпустить Сергея на все четыре стороны невозможно (честь мундира!), было решено просить, чтобы приговор вынесли условный. Что угодно, только условно».

Прилетев в Тбилиси в начале апреля 1982 года, Белла Ахмадулина позвонила помощнику Шеварднадзе по вопросам культуры Владимиру Алпенидзе и договорилась о встрече. Встретившись с Беллой, Алпенидзе согласился посодествовать и обещал на второй день отвезти Беллу на аудиенцию к Шеварднадзе, чтобы она смогла лично передать ему письмо. Осталось только написать это самое письмо.

Если можно было бы снять короткометражку про то, как велико-

Портрет Беллы. Фото Ю. Мечитова

Эдуард Шеварднадзе

лепная Белла его писала, получился бы чудесный фильм – колоритной историей создания письма можно только восхищаться.

В компании Катаняна, Чабуа Амирэджиби и Резо Амашукели Белла Ахмадулина сидела в подвале хинкальной. Но сидели они не в общем зале, а в кабинете директора, близкого друга Амирэджиби, который, узнав о важности письма, настоял на уединенной обстановке.

Это была маленькая, немного мрачноватая комната, обвешанная какими-то советскими знаменами и коммунистическими лозунгами. За столом, застеленным красной скатертью и заваленными бухгалтерскими счетами, Белла, вся в смятении, писала письмо. Рядом на огромном блюде дымились горячие хинкали, возвышалась гора зелени и красовался холодный графин с водой.

Белла переживала, очень долго подбирала правильные слова, фразы, акценты... Вскоре письмо было

готово. Прочитав этот текст, понимаешь, насколько Белла была близка с Параджановым и всей Грузией:

Глубокоуважаемый Эдуард Амвросиевич!

Прошу Вас: не рассердитесь на меня. Моя нижайшая просьба сводится лишь к этому: прочтите мое письмо и не осерчайте. Я пишу Вам в нарушение общих и моих собственных правил. Но это моя человеческая правильность и моя безвыходность: я не могу не написать Вам.

Не гневайтесь: я о Параджанове! Я очень знаю этого несчастного человека.

Тюрьма его не хочет, но он хочет в тюрьму. Нет, наверно, ни одной статьи Уголовного кодекса, по которой бы он сам себя не оговорил в моем присутствии. Но если бы лишь в моем! В Москве я боялась за него больше, чем в Тбилиси, и была права хоть в этом.

Он не имеет себе художествен-

ного воплощения и надрывно ставит свой бесконечный фильм на всех улицах среди людей, некоторые из которых плохие. Я знаю, что он всех раздражил и всем наскучил. Но не меня и не мне. Меня ему не удалось обвести вокруг пальца: ни болтовней о бриллиантах, которые интересуют меня так же мало, как его, ни прочим вздором.

Я не замарала себя никаким имуществom, никаким владением – мне можно верить: я презираю корыстолюбцев. Параджанов не только не из них – он им обратен. Я понимаю, что сейчас речь не об этом, но все его преступления – условны, и срок наказания может быть условным.

Это единственный юридический способ обойтись с ним без лишних сложностей, одна из которых – его неминуемая гибель. Конечно, уж если сидеть в тюрьме, то лучше в Грузии. Но мне больно соотносить одно и другое. Грузины всегда были милосердны к чужакам, безумцам и несчастливцам. Параджанов – самый несчастливый из них.

Мое письмо совершенно личного свойства – о нем никто не знает и не узнает. Я написала его для собственного утешения и спасения. Засим еще раз прошу простить меня. Позвольте пожелать Вам радостной и счастливой весны и всего, что потом. Что касается меня, мои радости и счастье совершенны. Во всяком случае, когда я здесь, в Тбилиси.

*Искренне Ваша
Белла Ахмадулина
12.04.82.*

Из хинкальной Ахмадулину везли к Шеварднадзе на черной правительственной «Волге». Потом «большешки» Беллы вспомнили, что Алпенидзе был крайне удивлен обстановкой, но, как истинный грузин, ничего не сказал.

Шеварднадзе почтительно приветствовал Ахмадулину. Прочел письмо, глубоко задумался. Белла тем временем передала ему в подарок экземпляр прославившей ее книги «Сны о Грузии». А дипломат Алпенидзе намекнул Эдуарду Амвросьевичу на то, что Ахмадулину, которая так страстно любит нашу страну, хорошо бы одарить маленькой дачей на берегу Черного моря.

Только Шеварднадзе начал кивать головой в знак согласия, как Ахмадулина категорически возраз-

Сергей Параджанов и Гаянэ Хачатурян

Белла Ахмадулина на концерте

ила: «Для меня совершенно невозможно чем-то владеть. Я обожаю всю Грузию и мне нет надобности владеть ее частью».

Шеварднадзе оценил поступок Беллы, и вскоре черная «Волга» на всех парах везла ее обратно в хинкальную, где Беллу ждали друзья и продолжение пира.

Пробыв в тюрьме девять месяцев, на последнем судебном заседании Сергей Параджанов получил условный срок и был отпущен прямо в зале суда. На освобождение режиссера, наряду с проникновенным письмом Беллы, также повлияло ходатайство известных деятелей культуры: Андрея Тарковского, Резо Чхеидзе, Тенгиза Абуладзе, Эльдара и Георгия Шенгелая, Софико Чиаурели, Тонино Гуэрра, Микеланджело Антониони, Федерико Феллини и многих других...

Кстати, именно Сергей Параджа-

нов познакомил Беллу Ахмадулину с одной удивительной жительницей Тбилиси – Гаянэ Хачатурян. Это произошло 31 октября 1978 года. Белла с Борисом прилетели в Тбилиси, а на следующий день, 2 ноября, рано утром пришли к Параджанову. Гаянэ как раз зашла к Сергею в гости.

Параджанов посмотрел на пару и очень серьезно сказал:

– Если вы не видели картин Гаянэ, значит, вы ничего не знаете о Тбилиси, ровным счетом ни-че-го!

Надо сказать, что в первую очередь Гаянэ поразила чету Мессерера-Ахмадулиной своей оригинальной, почти мистической внешностью. Ее словно обволакивали извне и изнутри вселенские тайны и атмосфера какой-то неведомой, почти сакральной энергии.

Правильные крупные черты лица, черные глаза, прямые волосы. Казалось, Гаянэ не была знакома со словом «суета». Она всегда говорила одинаково низким томным голосом и обладала какой-то внутренней силой. Но эта сила временами была притягательна, как теплый вечер у камина, а порой, наоборот, непрístupна, как крепостная стена в лютую зиму. На просьбу Параджанова показать Белле с Борисом ее полотно, Гаянэ улыбнулась и тихо кивнула.

На следующий день Белла взяла с собой в гости к художнице одного из лучших своих друзей в Грузии, литературного критика Гио Маргвелашвили.

Пришедших поразил минимализм обстановки, в которой жила Га-

янэ, и глубина ее сюрреалистичных работ. Эти картины со странными сюжетами, впечатляющими героями и самобытным почерком, не могли оставить равнодушным никого. Ахмадулина была не то что в восторге, а в какой-то прострации.

«Мы с Беллой были очарованы, а Гаянэ, в свою очередь, по настоящему захвачена образом Беллы. Она замороженно слушала, как читает Белла. Мы пригласили Гаянэ на вечер грузинской поэзии, который должен был пройти 13 ноября в Большом зале филармонии», – вспоминал Борис Мессерер.

Это был грандиозный вечер. Зал филармонии был заполнен до отказа, и при этом стояла звенящая тишина. Все, затаив дыхание, слушали Ахмадулину. А она, как всегда, с надрывом пела, как песню, свою поэзию, и завораживала зал способностью полностью растворяться в стихах.

Рядом с Беллой в этот фантастический вечер были ее любимые братья – писатели и поэты Отар и Тамаз Чиладзе, Резо Амашукели, Иосиф Нонешвили. Всем им она с удовольствием посвящала со сцены стихи. Обращалась она и к великим ушедшим поэтам – Галактиону и Тициану Табидзе, Паоло Яшвили, Георгию Леонидзе, Симону Чиковани. Ведь Тбилиси был для Беллы, в первую очередь, городом этих гениев поэзии.

В тот раз услышать Беллу Ахмадулину пришли Чабуа Амирэджиби, Отар Иоселиани, Гия Маргвелашвили, Юра Чачиани с Мананой Ге-

деванишвили и Гаянэ Хачатурян, пришедшая на выступление Беллы впервые.

Естественно, вечер Беллы никак не смог пропустить и Сергей Параджанов.

Его племянник Гарри так вспоминал тот день: «Во время вечера Белле периодически посылали записки, на которые она отвечала. Сережа не выдержал и сказал: «Напиши ей записку!» А Белла знала, что Сережа в зале сидит, потому что до этого они с Мессерером сидели у нас дома, кутили. Сергей сказал: «Есть бумажка? Давай, напиши записку: «Как вы относитесь к творчеству и личности Параджанова?» Белла открыла записку, конечно, поняла, что она от Сережи, немного растерялась, но сказала: «Обожаю, гений, люблю, Сереженька, обожаю вас, обожаю».

Весной 1980 года, в преддверии Пасхи, Москву посетил посыльный от Параджанова. Мужчина привез подарок: чудесный альбом ручной работы с надписью «Тифлис». Его собственноручно создал Сергей Параджанов. Та фотография из фотоателье, которую Белла с друзьями сделали в Тбилиси по дороге в хинкальную, была на самом почетном месте среди ностальгических параджановских коллажей.

Ахмадулину в том альбоме Параджанов изобразил в виде русалки. Он и относился к Белле, как к мифическому, мистическому существу неведомой природы, приносящей в наш мир свободу, негу и изящество.

САКАРТВЕЛО В ПУЛЬСЕ АХМАДУЛИНОЙ

«Сакартвело – благосклонно зри-раешь, внимаешь, уезжаешь и понимаешь, что, уехав, ты остался навсегда в капкане нежности к ее говору, говорению, приговариванию, к ее чужому, родимому языку, загромоздившему твою гортань горой, громом, горечью, виноградной гроздью огромного, упоительного звука. Так и будешь всю жизнь горевать по нему, по его недостижимости для твоих губ и горла», – это слова Беллы Ахмадулиной об ее фантастической привязанности к Грузии, пристанищу силы, тепла и вдохновения.

Борис Мессерер, познакомившийся с Грузией в 1963 году (а он начал это знакомство с удивительного и почти сказочного края – Сванети), писал в своих мемуарах: «Мы с Беллой совпали в любви к Грузии. Это стало, быть может, самым фатальным совпадением, сблизившим нас чрезвычайно».

Плодотворное сотрудничество художника с известным грузинским балетмейстером Вахтангом Чабукиани, теплые встречи с представителями грузинского искусства и культуры только углубили его интерес к Грузии и феномену таланта ее людей.

И в 60-х у Мессерера, написав-

Супруги Белла и Борис

шего целый цикл картин под названием «Сванетия», возникла идея устроить в Грузии свою выставку. Хотя в реальность эта идея воплотилась на 20 лет позже, в 1984 году.

Выставка картин Бориса Мессерера прошла в Доме художника. Хозяйкой вечера, на котором собрался весь цвет творческой грузинской интеллигенции, стала прекрасная Белла Ахмадулина.

Открыл выставку своей пламенной, как всегда, речью Сергей Параджанов.

А Гия Маргвелашвили написал в каталоге: «Он наш – Борис Мессерер, наш друг и брат, наш любимый художник и мастер, товарищ и соотрапезник, всегда готовый разделить и радость нашу, и печаль, то есть жизнь и судьбу. А нужно ли доказывать, насколько теснее стали узы, связывающие нас, когда судьбе было угодно соединить их вместе – Бориса Мессерера и прекрасную нашу сестру нареченную дочь Гру-

зии Беллу Ахмадулину».

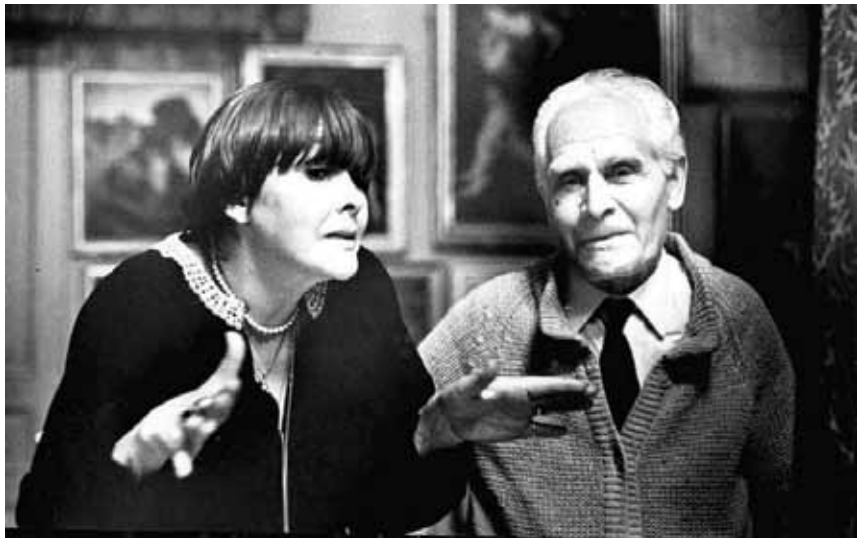
Когда Борис и Белла приезжали в Грузию, то чаще всего останавливались в гостинице «Тбилиси», ныне «Тбилиси Мариотт». Оттуда их пути нередко шли к домам Сергея Параджанова и Ладо Гудиашвили.

Ладо подарил Белле свою книгу с надписью: «Гениальной поэтессе нашей современности, человеку редчайшей души, дорогой Белле Ахмадулиной в день ее рождения. 10–IV–1980 года. С любовью, Ладо Гудиашвили».

Другая известная грузинская художница, Елена Ахвледиани, коллеги и друзья которой называли ее просто Эличка, в глазах Беллы была почти святой. Почему? Да потому что Белла Ахатовна искренне удивлялась, как в такой хрупкой и невероятно талантливой женщине,

из-под кисти которой на глазах рождались живые тбилисские пейзажи, умещались одновременно буйный дар, простота, скромность, безумство, свобода и поразительная любовь к родине.

Довольно интересный случай, который доказывает все вышесказанное, вспоминала сама Ахмадулина: «Она нас однажды пригласила, всю эту компанию – братьев Чиладзе, Резо Амашукели, – к себе в гости утром. Ну, мы по дороге зашли в хашню. А хаши ведь пахнет чесноком. Пришли после хашной к Эличке, стали как-то сторониться, рот прикрывать. Она – такая красивая, хорошая такая, великодушная, грациозная, немолодая, но прекрасная – нам сказала: «Что же вы так стесняетесь? Думаете, я не понимаю, что вы были в хашной? Но тут

Белла Ахмадулина в гостях у Ладо Гудиашвили

Кока Игнатов. Панно «Посвящение Пирсомани»

ничего плохого нет...» Разоблачила нас, но нами не погнушалась».

Елена Ахвледзиани была неординарной личностью. И, знаете, ее дух, сильный и талантливый, до сих пор живет в ее доме-музее на улице Кичели. Не верите? Проверьте сами. Вся обстановка – диван, подушки, посуда, картины, ее краски, очки, неоконченная последняя картина – все осталось так, как было при ней. Будто художница ненадолго вышла пройтись по любимому Тифлису и вот-вот вернется.

Если говорить о плеяде художников, олицетворяющих для Ахмадулиной Тифлис, то хочется вспомнить еще одного – Коку (Николая) Игнатова. В Грузии этого самобытного признанного мастера, автора волшебных картин с грузинским характером,

естественно, называли просто Кока. Он был автором исторического панно «Посвящение Пирсомани» в зале приемов конечной станции фуникулера на горе Мтацминда в Тбилиси.

Красивый и харизматичный Игнатов был близок с Ахмадулиной и Мессерером. Однажды он пригласил пару с их друзьями в вышеупомянутый зал, который украшала его дивная работа. И во время застолья вдруг встал, подвел Ахмадулину к стене и показал то место на своем панно, где он сделал эксклюзивное посвящение Белле. Она от неожиданности и благодарности не нашла слов...

Вообще, грузины ускоряли пульс Беллы. Ахмадулина даже говорила, что она считает день потерянным,

если в течение его не встретит ни одного грузина. Даже будучи в Москве, услышав где-то на улице грузинскую речь, она подбегала к этим людям, приветствовала их по-грузински и обнимала. В этом была вся Белла, а в Белле – вся Грузия.

О горячей дружбе поэта, музыканта, композитора, писателя и кумира многих поколений Булата Окуджава и Беллы Ахмадулиной знали все. Эти два человека, две личности, две глыбы посвятили друг другу немало стихов.

Вот одно из замечательных посвящений Булату от Беллы:

Покуда жилкой голубую
безумья орошен висок,
Булат, возьми меня с собою,
люблю твой легонький возок.
Ямщик! Я, что ли, – завсегда
саней? Скорей! Пора домой,
в былое. О, Булат, солдатик,
родимый, неубитый мой.
А остальное – обойдется,
приложится, как ты сказал.
Вот зал, и вальс из окон льется.
Вот бал, а нас никто не звал.
А все ж войдем. Там, у колонны...
так смугл и бледен... Сей любви
не перенести! То – Он. Да Он ли?
Не надо знать, и не гляди.
Зачем дано? Зачем мы вхожи
в красу чужбин, в чужие дни?
Булат, везде одно и то же.
Булат, садись! Ямщик, гони!
Как снег летит! Как снегу много!
Как мною ты любим, мой брат!
Какая долгая дорога
из Петербурга в Ленинград.

Белла навестила Булата, который лежал при смерти в реанимации. Она купила в цветочном магазине розу, но, растерянная, так и не подарила. На обратном пути они с мужем зашли в восточный ресторан. Лицо поэтессы закрывала вуаль с мушками, а на голове была широкая соломенная шляпа с полями.

Белла чиркнула зажигалкой, чтобы зажечь сигарету, и подошла вуаль. Огонь в мгновение ока перекинулся на шляпу. Супруг успел сбросить ее с головы Беллы, которая онемела, сидела не шелохнувшись, и тем самым спас ее лицо от ожогов. Но сердца от ожога утраты он спасти не мог...

В число близких друзей Беллы Ахмадулиной входил и знаменитый грузинский кинорежиссер Отар Иоселиани.

Известно, что Отар Давидович – человек непростой, нелегкий в

Булат Окуджава и Белла

С Отаром Иоселиани

общении, гордый и непреклонный, как по характеру, в жизни, так и в творчестве, в работе. Наверное, как и все гении.

О таких Белла говорила: «Из великих людей гарнитура не сделаешь! Но, как по мне, то Иоселиани можно простить все за его фильм «Жил певчий дрозд».

Отар Давидович очень трогательно относился к Белле и однажды в знак пламенной дружбы подарил ей офицерскую шашку своего дедушки, некогда служившего в царской армии.

Он разделял многие взгляды и привязанности Ахмадулиной, но вот Сергея Параджанова, которого обожала Белла, недолго любил. Хотя учился с ним в одной школе.

В один прекрасный день Ахмадулина попросила Иоселиани подвезти ее к Параджанову. Отказать Отар не мог и подвез Беллу на своем ГАЗ-69. Но когда та стала уговаривать его выйти из машины и подняться с ним к Сергею, Иоселиани уперся насмерть. Тогда Белла, которая искренне любила обоих и не хотела видеть их разногласий, взмолилась: «Отар, дорогой, или ты сейчас же идешь со мной к Сереже, или я возвращаю тебе твою шашку. Забирай!» И Отар сдался. За этим последовало, разумеется, застолье, вновь несколько сблизившее великих и противоречивых художников.

Что касается отношений Беллы Ахмадулиной с Чабуа Амирэджиби, автором романа «Дата Туташхия»,

прошедшим через тюрьмы и лагеря, то Белла и тут была крайне отзывчива.

Они очень кинематографически познакомились. Как-то Ахмадулина и Мессерер сидели в московском ресторане, и вдруг к ним подходит прямой, высокий, худощавый грузин. Он был очень просто одет, почти аскетически – ситцевая рубаша, застегнутая до самого горла, черные брюки. Он почтительно выразил свое восхищение Белле, выпил за ее здоровье и ушел. И только после его ухода ей сказали, что это известный грузинский писатель.

С тех пор их дружба росла и обростала новыми добрыми красками. Хочется рассказать один показательный случай. В один приезд Беллы и Бориса в Грузию в тбилисском

аэропорту их встречали Амирэджиби и Гия Маргвелашвили.

По дороге в гостиницу «Тбилиси» Чабуа много говорил, что-то рассказывал Белле, вспоминал. В фойе гостиницы чемоданы Беллы услужливо подхватил пожилой швейцар и понес на верхний этаж.

– Ой, какой милый дедушка! – воскликнула Ахмадулина.

– Да уж, милый, – возразил ей Амирэджиби.

– А что такое? – поинтересовалась Белла.

И Чабуа рассказал, что этого «милого дедушку» он встречал в местах отбывания наказаний в Тбилиси, и тот проявлял в отношении к нему не ангельское терпение, а, попросту говоря, садизм. Белла скри-

В парке «Толиа» за посадкой деревьев

Тенгиз Буачидзе, Белла Ахмадулина и Гия Маргвелашвили

вила губы и грустно промолвила:

– Дааа, дедушка-убийца!

Писатели и поэты, родные братья Тамаз и Отар Чиладзе, были для Беллы Ахмадулиной, как две путеводные звезды по небосводу Грузии.

В июле 1977 года расстроенная и вмиг осиротевшая после смерти Владимира Набокова Белла ринулась за энергетической подпиткой на Кавказ. Они с мужем отправились на Черное море, в Пицунду.

Поселившись в Доме творчества писателей, Борис и Белла, которые и без того постоянно привлекали к себе внимание, тогда стали главными героями черноморского городка.

В Доме творчества в то лето гостило много грузинских литераторов, но выделялись из них два кахетинских красавца – братья Чиладзе.

Отар – писатель, поэт, драматург, был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Ра-

ботал журналистом, преподавал в Тбилисском театральном институте. Был автором романов, поэм, пьес, публицистических произведений, киносценариев. Тамаз, старший брат Отара, также блестяще проявил себя как в прозе, так и в поэзии и драматургии. Русскоязычный читатель познакомился с творчеством Тамаза Чиладзе в 1961 году, когда вышел его поэтический сборник «Сети звезд» в переводе Евгения Евтушенко.

Так вот, тогда, в 1977 году, на Черном море, дружба братьев Чиладзе и Беллы Ахмадулиной подарила ей новые, неповторимые ощущения.

Конечно, Белла была знакома с братьями и раньше. Тбилиси был изучен ею вдоль и поперек именно благодаря прогулкам с Отаром и Тамазом. Кстати, Отар, один из самых тонких грузинских поэтов нашего

поколения, не раз посвящал Белле прекрасные стихи.

И снова ночь, и сутки прочь,
добыча есть, и есть отрада:
мой перевод упас от порч
стихи Тамаза и Отара.
Поет Тамаз, поет Отар –
две радуги зрочки омоют.
Все в Грузии поют, но так
другие братья петь не могут...

Своими верными друзьями в Грузии Белла считала и литераторов Гию Маргвелашвили и Александра (Шуру) Цыбулевского. Это о них она писала:

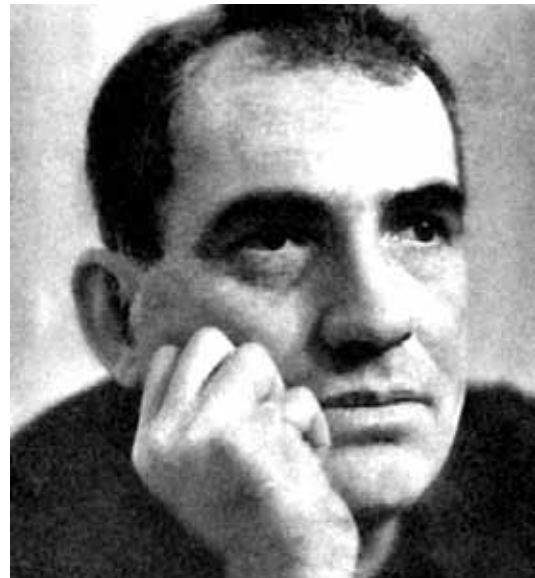
Я знаю, все будет: архивы,
таблицы...
Жила-была Белла... потом умерла...
И впрямь я жила!
Я летела в Тбилиси,
где Гия и Шура встречали меня.
О, длилось бы вечно,
что прежде бывало:
с небес упал
солнцепек проливной,
и не было в городе этом подвала,
где Гия и Шура не пили со мной.
Как свечи, мерцают родимые лица.
Я плачу, и влажен мой хлеб от вина.
Нас нет, но в крутых
закоулках Тифлиса
мы встретимся: Гия, и Шура, и я.
Счастливица, знаю, что люди другие
в другие помянут меня времена.
Спасибо! – Да тщетно:
как Шура и Гия,
никто никогда не полюбит меня.

Александр Цыбулевский был по-

этом, прозаиком, переводчиком и литературоведом, знатоком русской и грузинской поэзии. И хоть он был уроженцем Ростова-на-Дону, но в то же время – истинным тбилисцем.

Говорили, что однажды Цыбулевский обнаружил настоящий поэтический клад: в одном из парков нащупал в дупле дерева не что иное, как уникальную рукопись – грузинскую поэму XVII века.

А Гия был страстным литературоведом, редактором «Литературной Грузии» и многолетним ведущим в ней рубрики «Свидетельствует вещий знак». Он был воплощением лучших традиций русско-грузинских литературных связей. Небольшого роста, в очках, он прекрасно разбирался в поэзии, отстаивал творчество своих авторов-фаворитов.

Александр Цыбулевский

Братья Чиладзе

Именно он стал редактором-составителем и автором предисловия к книге стихов Беллы Ахмадулиной «Сны о Грузии».

Вместе с Шурой они работали своеобразными литературными агентами Грузии, яркими представителями поэтолюбивой страны. А Белла стала не просто их коллегой, близким другом, но почти родственником, членом их дружных семей.

Во многом благодаря этим людям в «Литературной Грузии» впервые были напечатаны такие произведения Ахмадулиной, как «Сказка о дожде» и поэма «Памяти Бориса Пастернака».

Между прочим, Белла Ахмадулина как-то призналась Борису Мессеру, что мечтала перевести письмо

Нестан-Дареджан из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» – шедевра грузинской средневековой литературы. Этого, увы, не случилось...

Любовь, перемежающаяся с благодарностью, и благодарность, переходящая в любовь. Наверное, именно так можно назвать все, что происходило с Беллой Ахмадулиной в Грузии.

Знаете, даже о рядовых буднях Беллы Ахмадулиной в Грузии можно написать целый роман или снять многосерийный фильм, и каждая страница и серия будет такой содержательной и красочной, что глаз не оторвать.

«Плотью и душой Белла Ахмадулина была поэтом. И плотью и душой

она была женщиной», – вспоминает Мзия Хетагури. Большую симпатию, по ее словам, Белла проявляла к литературному критику Гураму Асатиани. «Он был очень умным, образованным, блестяще знал русский язык, был замечательным литературным критиком и джентльменом», – рассказывает Мзия Хетагури.

Действительно, с Гурамом Асатиани у Беллы Ахмадулиной была очень теплая дружеская связь. С ним Белла, по ее словам, много озорничала: «Вообще мы часто озорничали, и при этом я много переводила, выступала. Озорничали как? Например, когда у Гурама Асатиани и его жены Мананы ребенок родился, мы целой компанией на радостях до рассвета колобродили, а потом под окнами у них кричали, чтобы она ребенка спящего показала нам».

С Асатиани Ахмадулина в составе писательской делегации ездила в Западную Грузию. «Там чудесно цвели гранаты, такими ярко-красными цветочками. Мы гуляли, и Гурам маленький цветочек граната мне подарил, в какую-то книжку я положила», – писала Белла.

Ахмадулина много гуляла по грузинской столице с братьями Чиладзе и Гией Маргвелашвили, которые учили ее произношению грузинских слов и рассказывали разные легенды о городе: «Например, легенду о том, что нужно прийти на берег Мтквари (Куры) и призывать какого-то рыбака: «Месропе, приди!» Они так все подстраивали, что действительно кто-то появлялся. Это была

инсценировка, конечно, но такая замечательная, утешительная».

В Тбилиси Белла также была неразлучна с Иосифом Нонешвили, называла его Йоськой. «Одна комната у Йоськи считалась парадной, там он принимал гостей, предлагал вино, – вспоминала Ахмадулина. – По ней мы все на цыпочках ходили – хрусталь стоял, такая мебель. А я жила в маленькой комнатке, где – самое потрясающее! – висел Пиросмани – настоящий, неокантованный, кудрями вился. В углу шла труба, из нее газ протекал, но я так любила эту комнатку, что мне даже запах газа был приятен».

Но не все грузины заслуживали любви Беллы Ахмадулиной. Некоторых она не то что не любила, а люто ненавидела. Среди них был Иосиф Сталин.

Вот два случая. Первый произошел как раз с Иосифом Нонешвили. «Наша машина остановилась однажды на площади, и тут какая-то делегация едет, – вспоминала Ахмадулина. – Они все полезли к памятнику Сталину, а я осталась сидеть в машине, выходить не собиралась. Йоська знал все мои штучки – я всегда плевала в сталинские памятники, и в Дзержинского плевала. Он говорит: «Сейчас я тебя укрою», – и как-то заслонил. Ну, я все равно плюнула и дальше сидела в машине».

А второй случай – это столкновение Беллы и поэта, писателя, публициста Феликса Чуева. Как-то они оказались на одном застолье. Чуев, желая произвести впечатление на

националистически настроенных, в его понимании, грузин, поднял тост за вождя народов.

И в ту же секунду получил по лицу женской туфлей. Стоит ли говорить, что ее метко запустила в Феликса отчаянная Белла. Этот инцидент еще долго вспоминали в Грузии.

ИЗАБЕЛЛА ПОСЛЕДНЯЯ

Муза, друг, икона... Белла Ахмадулина для всех была очень разной, но для каждого – свободной, как ветер, и божественно талантливой.

Уроженец Тбилиси, выдающийся композитор Микаэл Таривердиев писал: «Белла всегда была такой. Она поразительно не изменилась с годами. Такая странная, бесконечно красивая, утонченно-жеманная, но абсолютно естественная... Такой вот редкостный необычный цветок. Какая-то странная смесь татарской княжны и русской царевны. Поразительной красоты и совершенства женщина».

Поразительными были и ее стихи, полные, как и она, дыханием независимости, капризов, честности и редкой прелести. О них писатель Фазиль Искандер говорил: «Я, как сейчас, помню тот давний год, когда в журнале появились первые стихи Беллы Ахмадулиной, тогда еще со-

всем юной. Они поразили меня свежестью и оригинальностью. Даже их некоторая юношеская неуклюжесть была очаровательна. С тех пор я неизменно следил за ее стихами. Стихи Ахмадулиной бывают и пафосными, но от излишков пафоса ее спасает ирония. И что особенно хорошо – самоирония».

А пронизательный Иосиф Бродский копал глубже всех. Он говорил о Белле и ее поэзии: «Ее стихотворения отличимы от чих бы то ни было мгновенно. Вообще ее стих размышляет, медитирует, отклоняется от темы; синтаксис – вязкий и гипнотический – в значительной степени продукт ее подлинного голоса. Развертывание ее стихотворения, как правило, подобно розе, оно центростремительно и явственно отмечено напряженным женским вниманием к деталям – напряженным вниманием, которое иначе можно назвать любовью».

Грузинскую главу в своей жизни, в своем творчестве Белла Ахмадулина назвала «Сны о Грузии». И это не случайные слова. Философ, переводчик и филолог Марина Михайлова считала, что сон проходит лейтмотивом ее грузинской лирики. «Ее функционирование определяется очень традиционно – в ключе онейрического пространства как «окна» в другую, желанную, в чем-то идеальную реальность, – писала философ. – Грузия представляется Ахмадулиной ставшей явью утопией, благословенной землей древней первозданности, налогом райской земли, ведущей свою историю по

В центре: Иосиф Бродский и Белла Ахмадулина

векам столиц – от Мцхета, древней столицы, до Тифлиса – Тбилиси, и вместе с тем существующей по вечным вневременным законам».

Николай Цискаридзе, всемирно известный артист балета, премьер Большого театра в 1992-2013 годах, педагог, ректор Академии русского балета имени Вагановой лично познакомился с Беллой Ахмадулиной в Москве, в 1998 году. Это произошло на репетициях вечера в честь 110-летия Московского государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Большом театре. «В концерте участвова-

ли все самые выдающиеся личности и артисты конца XX века. И я был единственный из молодых артистов балета, который был приглашен к участию в этом вечере, – вспоминает Николай Максимович. – Из балета было три номера: коллектив Эйфмана, я, который танцевал «Нарцисса», и Плисецкая. Мы участвовали в блоке концерта, который назывался «Русская интеллигенция в Москве». И режиссерски было задумано так, что Вознесенский читает стихотворение и потом объявляет меня. Я танцую «Нарцисса» и вывожу Беллу Ахатовну на сцену. Она читала свое

Юрий Нагибин и Белла Ахмадулина

стихотворение и в свою очередь представляла Майю Плисецкую. На репетиции вечера мы с ней и познакомились. Она уже тогда была легенда. К сожалению, больше мы никогда не встречались». По признанию Цискаридзе, для него было большой честью вывести Беллу Ахмадулину на сцену, и это произвело на молодого артиста неизгладимое впечатление.

Размышляя о том, откуда берет корни такая феноменальная привязанность Беллы Ахмадулиной к Грузии, Цискаридзе говорит: «Мне кажется, что Белле Ахмадулиной очень нравилась мелодика грузинского стиха, она ей очень подходила. Потому что, если послушать, как она читала стихи и в какой мелодике написаны ее стихи, понимаешь, что они очень совпадают с грузин-

ской мелодикой. Поэтому она много переводила грузинских авторов. У нее было удивительное чувство стиля, и оно очень совпало с грузинским мелодичным рядом. Я все время шучу, что стихи у грузин только на две темы: о родине и о любви (я, если честно, никогда не слышал грузинские коммунистические стихи). И это было Белле Ахатовне очень сильно созвучно. А потом наша природа – кто может остаться к ней равнодушной? Наконец, в Грузии было повольней, чем в других республиках».

Известный грузинский кинорежиссер, автор фильмов «Когда зацвел миндаль» и «Несколько интервью по личным вопросам», народная артистка Грузии Лана Гогобридзе тоже была знакома с Беллой Ахатовной, очень любит ее стихи и

даже перевела более дюжины ее произведений. «Только вслушайтесь в эти ахмадулинные строки, – говорит Лана Левановна, – «О Грузия, лишь по твоей вине, Когда зима грязна и белоснежна, Печаль моя печальна не вполне, Не до конца надежда безнадежна. Одну тебя я счастливо люблю, И лишь твое лицо не лицемерно. Рука твоя на голову мою Ложится благосклонно и целебно. Мне не застать врасплох твоей любви. Открытыми объятия ты держишь...». Когда поэт может написать такие строчки, это особое отношение, конечно. Я думаю, никто другой не смог бы написать таких строк про другую страну. Это очень ценно, это то, чего сейчас нам так не хватает. Возможно, пройдут века, и что-то подобное и возникнет, кто-то подобный родится и так же пламенно полюбит Грузию. Но сейчас такого даже представить себе невозможно».

Так и есть. Взаимной любви Беллы и Грузии можно посвятить сотни стихов, книг, песен и фильмов, и каждый раз будет ощущение, что ты чего-то да не узнал, потому что глубина этой таинственной связи, как айсберг под водой, не постигаема.

Пожалуй, лучше всех об этом феномене сказала сама Белла: «Мне приснилось имя этого места земли: так ясно, так слышно, что я проснулась в слезах, но потом весь день улыбалась, и те, кто не знал, что значит САКАРТВЕЛО, стали лучше, радостнее ощущать себя на белом свете. Грузия, Сакартвело – свет моей души, много ласки, спаситель-

ного доброго слова выпало мне в этом месте земли...».

Белла Ахмадулина ушла в мир иной 29 ноября 2010 года.

На самом деле эта женщина, которая читала свои стихи, как заклинания, была слишком хрупкой и уязвимой.

Я бы назвала ее проводником между миром поэзии, этим неземным, воздушным, с тонким мироощущением и обволакивающей любовью ко всему живому, и нашим, обыденным, человеческим миром, который она украсила своим приходом.

Хочется низко поклониться этому прекрасному проводнику за то, что на своем неповторимом земном пути она столько драгоценного времени и столько возвышенных чувств посвятила Грузии.

«Вероятно, у каждого человека есть на земле тайное и любимое пространство, которое он редко навещает, но помнит всегда и часто видит во сне. Человек живет дома, на родине, там, где ему следует жить; занимается своим делом, устает, и ночью перед тем, как заснуть, улыбается в темноте и думает: «Сейчас это невозможно, но когда-нибудь я снова поеду туда». Так я думаю о Грузии, и по ночам мне снится грузинская речь». Белла Ахмадулина.

Белла

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
ЛЮБОВЬ ПО-ГРУЗИНСКИ. НАЧАЛО	8
ТБИЛИСИ КАК НИ ОДНО ДРУГОЕ МЕСТО ЗЕМЛИ	11
ТОСТ ЗА СЛАДКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ БЕЛЛЫ	19
ДВЕ ГАЛАКТИКИ БЕЛЛЫ	21
«ЕСЛИ БЫ ДЛЯ ЭТОГО МНЕ НУЖНО БЫЛО БЫ ТАНЦЕВАТЬ, Я БЫ ТАНЦЕВАЛА»	25
ВУЛКАН ПАРАДЖАНОВ И СПАСИТЕЛЬНИЦА БЕЛЛА	28
САКАРТВЕЛО В ПУЛЬСЕ АХМАДУЛИНОЙ	36
ИЗАБЕЛЛА ПОСЛЕДНЯЯ.....	46

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეთე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке: **РОССОТРУДНИЧЕСТВА**

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

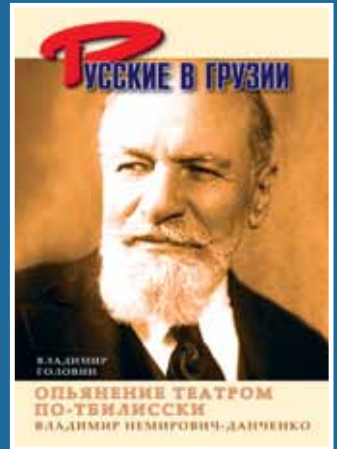
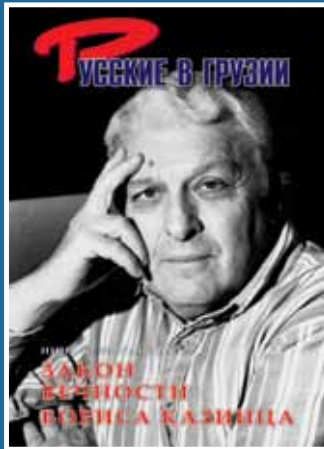
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
БОЛЬШЕ, ЧЕМ СНЫ
БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Анастасия Хатишвили – журналист, писатель, поэт, переводчик.

Родилась в 1985 году в г. Рустави. Выпускница журфака Грузинского технического университета. Писательский дебют Хатишвили состоялся в 2006 году в тбилисском литературном альманахе «Я-Автор». В разные годы работала на грузинских русскоязычных телеканалах. Сотрудничает с несколькими информационными агентствами, публикуется в журнале «Русский клуб» и в единственном русскоязычном

литературном альманахе Грузии «На холмах Грузии».

В 2014 году вошла в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Малая проза» с подборкой рассказов «Завтра война». В 2016 году вышла в финал Пятого международного литературного конкурса «Открытая Евразия» (Open Eurasia 2016).

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

(МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

